

УДК 347.91(476)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С УСТАНОВЛЕНИЕМ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ

В. П. СКОБЕЛЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются некоторые процессуальные особенности рассмотрения судами дел об установлении и об оспаривании отцовства. В частности, автор анализирует, правомерно ли отказывать в принятии иска об установлении отцовства, если отцом ребенка записано конкретное лицо; может ли повлечь оставление искового заявления без движения неприложение к нему доказательств; кто вправе обратиться в суд с иском об установлении (оспаривании) отцовства и каково процессуальное положение ребенка в данных делах; каковы стандарты доказывания по делам, связанным с установлением происхождения детей. На этой основе в статье сделаны предложения по совершенствованию материального и процессуального законодательства, а также практики его применения.

Ключевые слова: происхождение детей; установление отцовства; оспаривание отцовства; отказ в возбуждении дела; оставление искового заявления без движения; признание иска ответчиком; судебные доказательства; судебная экспертиза.

PROCEDURAL FEATURES OF THE CONSIDERATION AND RESOLUTION BY THE COURTS OF CASES RELATED TO THE ESTABLISHMENT OF THE ORIGIN OF CHILDREN

V. P. SKOBELEV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes some of the procedural features of the consideration by the courts of cases of establishing and contesting of paternity. In particular, the author considers such issues as whether it is lawful to refuse to accept a claim for establishing paternity if a specific person is recorded by the child's father; whether it is possible to leave a statement of claim without movement due to non-attachment of evidence to it; who has the right to apply to the court with a claim for establishing (contesting) of paternity and what is the procedural position of the child in these cases; what are the standards of evidence in cases involving the identification of children. On this basis, the article proposes to improve the material and procedural legislation, as well as the practice of its application.

Keywords: origin of children; establishment of paternity; contesting of paternity; refusal to initiate proceedings; leaving the statement of claim without movement; recognition of the claim by the defendant; judicial evidence; forensic examination.

Образец цитирования:

Скобелев В.П. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения судами дел, связанных с установлением происхождения детей. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2020;2:10–27.

For citation:

Skobelev VP. Procedural features of the consideration and resolution by the courts of cases related to the establishment of the origin of children. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2020;2:10–27. Russian.

Автор:

Владимир Петрович Скобелев – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета.

Author:

Vladimir P. Skobelev, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil process and labour law, faculty of law.
s_v_p@tut.by

Введение

Защита детей является одной из приоритетных задач белорусского государства и реализуется прежде всего путем закрепления в материальном законодательстве правового статуса, возможностей и гарантий несовершеннолетних, о чем красноречиво свидетельствуют, в частности, положения ст. 32, 42 Конституции Республики Беларусь, Декрета Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях», раздела IV Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка», Закона Республики Беларусь от 21 декабря 2005 г. № 73-3 «О гарантиях по социальной защите детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Однако, помимо указанных, еще очень важны и гарантии в области процессуальной – они обеспечиваются правильным рассмотрением и разрешением судами дел, затрагивающих интересы несовершеннолетних. Большое значение здесь имеет не только качество содержания упомянутых выше нормативных актов материального права, но и те ресурсы, возможности, которыми располагают суды: эффективность предусмотренных Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ГПК) процессуальных механизмов

и правил, наличие правильных руководящих разъяснений со стороны высшей судебной инстанции страны, присутствие верных направлений развития правоприменительной практики.

Одной из категорий дел, где процессуальные гарантии по вполне очевидным причинам особо важны, являются споры об установлении происхождения детей и прежде всего дела об установлении или об оспаривании отцовства. В связи с этим данная категория дел уже неоднократно становилась предметом процессуально-правовых исследований и теоретического, и прикладного плана [1; 2; 3, с. 114–140; 4–7; 8, с. 139–187; 9, с. 102–109; 10, с. 5–70; 11, с. 68–112]. Однако проблематика темы себя еще не исчерпала. В свете сказанного хотелось бы обратить внимание на некоторые спорные положения постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 1991 г. № 12 «О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей» (далее – постановление Пленума № 12), постановления Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2016 г. № 6 «О судебной практике по делам об установлении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях» (далее – постановление Президиума № 6), а также на отдельные тенденции отечественной судебной практики.

Основная часть¹

1. В п. 1 постановления Пленума № 12 разъяснено, что «запись об отце ребенка, произведенная органами, регистрирующими акты гражданского состояния, является доказательством происхождения ребенка от указанного в ней лица. В связи с этим при принятии заявления об установлении отцовства судье необходимо проверить, произведена ли при регистрации запись об отце ребенка в соответствии со ст. 55 КоБС, т. е. по фамилии матери, а имя и отчество отца – по ее указанию. Если же в актовой записи о рождении ребенка отцом указано определенное лицо, судья не должен принимать такое заявление к своему производству»². Необходимость следования этому подходу подтверждена и в некоторых других документах, исходящих от высшей судебной инстанции страны.

Так, в подготовленном Верховным Судом обзоре практики рассмотрения судами дел об установ-

лении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях (далее – обзор практики) среди недостатков деятельности судебной системы отмечено то, что «судьи не всегда придерживались данных разъяснений и принимали решение о возбуждении дела без проверки указанных обстоятельств, не имея сведений из органов загса об основаниях внесения в актовую запись сведений об отце... В практике судов имели место случаи возбуждения дел по иску об установлении отцовства при указании в качестве отца в актовой записи о рождении ребенка определенного лица» [12, с. 55].

Как следствие, в принятом на основании обзора практики постановлении Президиума № 6 было констатировано: «...при возбуждении дел отдельные судьи не всегда проверяли наличие необходимых документов, указанных в пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики

¹В настоящей работе цифрами с точкой обозначается нумерация имеющих отношение к теме исследования проблемных вопросов, которая (нумерация) отражает логические взаимосвязи между данными вопросами и соответствует избранной автором концепции относительно их освещения в статье.

²Очень схожее разъяснение в свое время было закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. «О практике применения судами Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» (далее – постановление Пленума 1969 г.). См.: Яковлева Г. В. Охрана прав незамужней матери. Минск : Изд-во БГУ, 1979. С. 70–71.

Беларусь № 12, и не выясняли вопрос об отсутствии препятствий к возбуждению дела об установлении отцовства в связи с указанием в актовой записи о рождении ребенка отцом определенного лица» (абз. 4 преамбулы постановления Президиума № 6). В связи с этим было решено «указать судам на необходимость тщательного изучения на стадии возбуждения дела заявлений и прилагаемых к ним материалов», а также предписать судам «обеспечить безусловное выполнение положений постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 12 о необходимости выяснения оснований указания в актовой записи о рождении ребенка сведений об отце» (п. 2 постановления Президиума № 6).

Во-первых, из отставиваемого Верховным Судом подхода вытекает, что всякий раз, решая вопрос о возбуждении производства по делу об установлении отцовства, суды должны проверять, внесены ли в актовую запись о рождении ребенка сведения о его отце в соответствии с ч. 1 ст. 55 КоБС: фамилия отца определена по фамилии матери, а имя и отчество отца – по указанию матери. Очевидно, что выяснение данных фактов не составит никакого труда, если подателем иска к искомому заявлению приложена справка органа, регистрирующего акты гражданского состояния (далее – орган загс), относительно обстоятельств регистрации рождения ребенка, т. е. было при данной регистрации отцом ребенка номинировано реальное или «вымышленное» в соответствии с ч. 1 ст. 55 КоБС лицо.

Как видно из постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 16 августа 2006 г. № 43 «Об утверждении форм справок, журналов и других документов, связанных с регистрацией актов гражданского состояния» (далее – постановление Минюста № 43), такой справкой может являться только справка, содержащая сведения из записи акта о рождении (ее форма установлена приложением 5 к постановлению Минюста № 43). В самой форме справки графы для соответствующих сведений (о внесении записи об отце согласно ч. 1 ст. 55 КоБС) не предусмотрено, однако подп. 3.3 п. 3 постановления Минюста № 43 гласит, что в справках, содержащих сведения из записи акта о рождении, в случае, если запись об отце

в записи акта о рождении ребенка произведена на основании заявления матери, не состоящей в браке, согласно ст. 55 КоБС, текст справки дополняется частью следующего содержания на русском или белорусском языках (в зависимости от языка, на котором составляется справка): «Запись об отце в записи акта о рождении ребенка произведена на основании заявления матери, не состоящей в браке, в соответствии со статьей 55 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье»; «Запис аб бацьку ў запісе акта аб нараджэнні дзіцяці зроблены на падставе заявы маці, якая не знаходзіцца ў шлюбе, у адпаведнасці з артыкулам 55 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб шлюбе і сям'і»³.

Однако указанная справка далеко не всегда прилагается к исковым заявлениям об установлении отцовства, тем более что процессуальное законодательство и не требует этого от подателей исков. В частности, ГПК вообще не закрепляет обязанность представлять вместе с исковым заявлением какие-либо доказательства заявленных требований, а постановление Пленума № 12 прямо о справке, содержащей сведения из записи акта о рождении, не говорит, указывая лишь, что «к искомому заявлению об установлении отцовства и взыскании алиментов должны быть приобщены копии свидетельств о рождении детей, справки о нахождении детей на иждивении истца, а в зависимости от конкретных обстоятельств дела – другие, имеющие значение для дела, материалы» (ч. 2 п. 8). И тогда возникает вопрос, каким образом на стадии возбуждения дела суду проверить, произведена ли запись об отце ребенка при регистрации рождения в соответствии с ч. 1 ст. 55 КоБС. Ведь осуществить это на основании копии свидетельства о рождении ребенка, которую Пленум Верховного Суда обязывает прилагать к искомому заявлению, невозможно, поскольку, как видно из формы бланка свидетельства о рождении (см. приложение 1 к постановлению Министерства юстиции Республики Беларусь от 31 октября 2001 г. № 23 «Об установлении форм бланков свидетельств о регистрации актов гражданского состояния»), свидетельство о рождении подобной информации содержать не должно.

В такой ситуации предположить можно только два варианта: или суду нужно самостоятельно, до

³Попутно заметим, что аналогичные сведения, как сказано в подп. 3.3 п. 3 постановления Минюста № 43, должна включать в себя и справка о рождении (форма ее бланка закреплена приложением № 1 к постановлению Минюста № 43). Однако ее использование для цели, названной в п. 1 постановления Пленума № 12, едва ли возможно, поскольку, во-первых, согласно ч. 1 п. 25 Положения о порядке регистрации актов гражданского состояния и выдачи документов и (или) справок органами, регистрирующими акты гражданского состояния, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 декабря 2005 г. № 1454 (далее – Положение о регистрации), такая справка выдается только по заявлению о регистрации рождения для получения пособия в связи с рождением ребенка. Во-вторых, ввиду того, что справка представляется (без возврата) в организацию (орган), осуществляющую выплату названного пособия, податель иска об установлении отцовства ее на руках уже не будет иметь. В-третьих, если у подателя иска справка по каким-то причинам все-таки сохранится, к моменту обращения в суд она способна морально устареть в части информации о «вымышленном» отце ребенка, так как после регистрации рождения ребенка отцовство может быть установлено, например по правилам ч. 2 ст. 54 КоБС, в отношении конкретного лица.

возбуждения дела, запросить искомые сведения из органа загс, или суду следует возложить на подателя иска обязанность получить в органе загс необходимую справку путем применения норм об оставлении искового заявления без движения. Однако ни тот, ни другой вариант нельзя признать удовлетворительным. Так, против первого из них говорит то, что совершать какие-либо действия, направленные на рассмотрение дела по существу (в том числе и собирание доказательств), суд вправе только после принятия искового заявления к производству [13, с. 188–206; 14, с. 39]. На это фактически указывает и ч. 1 п. 105 Положения о регистрации: «Копии записей актов выдаются по запросам суда, прокуратуры, органов уголовного преследования, нотариусов в связи с нахождением дел в их производстве» (ведь пока искомое заявление не принято судом, нельзя говорить о нахождении дела в его производстве). Кроме того, из смысла ст. 20, ч. 3 ст. 179, ст. 232 ГПК вытекает, что по общему правилу суд не полномочен собирать доказательства по своей личной инициативе; подобные действия им могут быть совершены, только если это прямо санкционирует процессуальный закон (как, например, ч. 4 ст. 370 ГПК).

Наконец, истребование судом сведений из органа загс (если, конечно, допустить, что суд на то имеет право) способно занять довольно значительный период времени (подготовка текста судебного запроса, его пересылка по почте в орган загс, рассмотрение запроса органом загс, составление им необходимого документа и его отправка по почте обратно в суд), между тем стадия возбуждения дела на подобные «перерывы» не рассчитана. Согласно ст. 244 ГПК «исковое заявление о возбуждении дела рассматривает судья в течение трех дней после поступления его в суд. Если отсутствуют основания для отказа в возбуждении дела (ст. 245 и 246 настоящего Кодекса), судья в указанный срок, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или иными законами, выносит определение о возбуждении дела и о подготовке его к судебному разбирательству». Оговорка «если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или иными законами» относительно срока для вынесения определения о возбуждении дела имеет отношение к случаю, когда в соответствии со ст. 248 ГПК судья оставляет искомое заявление без движения и предоставляет истцу срок для устранения его недостатков, – только тогда между моментом подачи искового заявления и возбуждением дела может пройти более длительный период времени, нежели трехдневный срок.

В отношении же второго варианта отметим следующее. Справка органа загс, содержащая сведения из записи акта о рождении, есть не что иное,

как доказательство, а ГПК не обязывает обращающихся в суды лиц прилагать доказательства к исковым заявлениям и, соответственно, не позволяет применять за неприложение доказательств какие-либо санкции, в том числе в виде оставления искового заявления без движения (более подробно этот тезис будет обоснован нами ниже). Нельзя не учитывать также и то, что если инициатором иска об установлении отцовства является юридически постороннее ребенку лицо – лицо, считающее себя действительным отцом ребенка, но не записанное таковым в актовой записи о рождении, – то для него получить из органа загс соответствующую справку будет весьма проблематично. Согласно п. 104 Положения о регистрации право на получение справки, содержащей сведения из записи акта о рождении ребенка, имеют лишь родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего, а иным лицам подобная справка может быть выдана только в исключительных случаях и по согласованию с главным управлением юстиции облисполкома (Минского горисполкома).

Во-вторых, как полагает высшая судебная инстанция страны, если в актовой записи о рождении ребенка отцом указано определенное лицо, судья не должен принимать искомое заявление об установлении отцовства к своему производству или, другими словами, должен отказать заявителю в возбуждении дела. Но указание на конкретную процессуальную норму, которой судам следует мотивировать отказ в возбуждении дела, в постановлении Пленума № 12, постановлении Президиума № 6 и обзоре практики отсутствует. Анализ же ст. 245, 246 ГПК показывает, что ни один из предусмотренных этими статьями пунктов к описанной ситуации не подходит. Можно лишь предположить, что в таких случаях суды руководствуются п. 1 ст. 245 ГПК («исковое заявление не подлежит рассмотрению в судах ввиду его неподведомственности»), поскольку по сложившейся практике именно эта норма используется судами, когда, по их мнению, отказать в возбуждении дела нужно, но ситуация ни под одно из оснований, предусмотренных ст. 245, 246 ГПК, не подпадает напрямую. Однако подобная практика противоречит установке, данной судам в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2001 г. № 7 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса при рассмотрении дел в суде первой инстанции»: «Обратить внимание судов первой инстанции, что предоставленное ст. 6 ГПК каждому заинтересованному лицу право на обращение в установленном порядке в суд является реализацией конституционной гарантии защиты прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом. В связи с этим не до-

пускается отказ в возбуждении гражданского дела по основаниям, не предусмотренным ГПК, а также другими законодательными актами»⁴.

Таким образом, позиция, отраженная в постановлении Пленума № 12, постановлении Президиума № 6 и обзоре практики, неприемлема с точки зрения процессуального права. Какова же тогда причина ее появления? Думается, что причина кроется в следующем. Если в актовой записи о рождении ребенка его отцом указано конкретное лицо, то рассмотрение и удовлетворение судом иска об установлении отцовства к другому мужчине приведет, во-первых, к коллизии между двумя публично-правовыми актами – постановлением суда и актовой записью о рождении, поскольку каждым из них по-разному будет решаться вопрос об отцовстве (причем в силу ст. 24 «Обязательность судебных постановлений» ГПК предпочтение в возникшей коллизии, по-видимому, нужно будет отдать первому из упомянутых актов). Во-вторых, это будет чревато нарушением прав и интересов ребенка, так как появление у него второго «юридического» отца создаст (по крайней мере до тех пор, пока актовая запись о рождении не будет скорректирована) полную неопределенность в родительских правоотношениях со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями. В-третьих, несомненно, будут нарушены и интересы лица, записанного отцом в актовой записи о рождении ребенка, потому что постановление суда, фактически отрицающее за ним юридическое отцовство, будет вынесено без предоставления ему какой-либо возможности высказаться по существу возникшего спора⁵.

Чтобы описанная ситуация не смогла возникнуть, иск об установлении отцовства всегда должен рассматриваться одновременно⁶ с иском об оспаривании отцовства лица, указанного таковым в актовой записи о рождении ребенка, т. е. обраща-

ющемуся в суд субъекту необходимо предъявить сразу два названных исковых требования – удовлетворение одного из них (об оспаривании отцовства) откроет юридическую возможность для удовлетворения второго (об установлении отцовства)⁷. Но как быть в тех случаях, когда обусловливаемое требование (об установлении отцовства биологического отца) предъявляется без обусловливающего (об оспаривании отцовства «юридического» отца) или, другими словами, как разрешить проблему недостаточности (для правильного разбирательства по существу спора) заявленных подателем иска требований? Высшая судебная инстанция нашей страны не придумала ничего лучшего, чем рекомендовать судам просто отказывать в принятии исковых заявлений. Причем подобный подход не является новым. Еще в советское время суды отказывали в принятии исков о взыскании алиментов, если сведения об отце ребенка в актовой записи о рождении были внесены по указанию матери (т. е. в порядке, что сейчас предусмотрен ч. 1 ст. 55 КоБС) [15, с. 77], и причина этого, по-видимому, состояла именно в том, что заявителем не было предъявлено еще одно (обусловливающее заявленное) требование – об установлении отцовства.

Полагаем, однако, что для анализируемой ситуации возможно предложить другой, абсолютно согласующийся с процессуальным законодательством, выход. Так, вопрос о том, каким образом в актовую запись о рождении были внесены сведения об отце ребенка, суду следует выяснять на стадии подготовки, а не на стадии возбуждения дела (в том числе при необходимости предложить подателю иска представить справку, содержащую сведения из записи акта о рождении, а при его отказе или уклонении от совершения данных действий – самостоятельно истребовать из органа загс искомую информацию⁸). Если в результате будет

⁴Правда, стоит заметить, что ст. 245, 246 ГПК не отличаются совершенством (предусмотренных в них оснований для отказа в возбуждении дела недостаточно, а многие из оснований, что там напрямую закреплены, имеют не вполне удачную текстуальную редакцию), в связи с чем иногда возникает объективная потребность в их применении по аналогии или же расширительном толковании. Данное обстоятельство фактически признает и высшая судебная инстанция страны. Например, в ч. 4 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 сентября 2002 г. № 7 «О судебной практике по делам о лишении родительских прав» разъяснено, что «круг лиц, обладающих по закону правом на предъявление исков о лишении родительских прав, является исчерпывающим. При отсутствии такого права у лица, обратившегося в суд, судья отказывает в возбуждении дела по аналогии с п. 1 ст. 245 ГПК». Тем не менее сказанное (необходимость применения ст. 245, 246 ГПК по аналогии), как будет показано далее, не относится к анализируемому случаю – подаче в суд искового заявления об установлении отцовства, когда в актовой записи о рождении ребенка его отцом указано конкретное (реальное) лицо.

⁵Правда, разъяснение, содержащееся в постановлении Пленума 1969 г. и послужившее впоследствии образцом для п. 1 постановления Пленума № 12, интерпретировалось и другим образом: якобы оно было призвано предупреждать предъявление иска об установлении отцовства к лицу, которое и так юридически (согласно актовой записи) являлось отцом ребенка (см.: Яковлева Г. В. Охрана прав незамужней матери. Минск : Изд-во БГУ, 1979. С. 70–71). Однако такое объяснение представляется не вполне убедительным, поскольку описанная автором ситуация крайне маловероятна.

⁶Подобной одновременности не требуется лишь в одном-единственном случае: когда иск об оспаривании отцовства был предъявлен и удовлетворен до подачи в суд заявления об установлении отцовства. Если же отцовство ранее в судебном порядке оспорено не было, то иску об установлении отцовства всегда должен сопутствовать иск об оспаривании отцовства.

⁷Такое соединение исковых требований является довольно распространенным в судебной практике. См.: Практика рассмотрения судами дел об установлении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях (по материалам обзора) // Судовы веснік. 2016. № 3. С. 61, 63, 65.

⁸По нашему убеждению, при пассивности одной или обеих сторон в доказательственной сфере суд в целях законного и обоснованного разрешения спора вправе по собственной инициативе собирать доказательства.

установлено, что сведения об отце ребенка были внесены в актовую запись о рождении в соответствии со ст. 54 КоБС (т. е. отцом записано конкретное лицо), то суду нужно разъяснить подателю иска потребность заявления им дополнительного требования – об оспаривании отцовства «юридического» отца ребенка (очень схожие рекомендации можно встретить и у других авторов [3, с. 126–126]) – и в случае предъявления данного требования разрешить дело по существу.

Если же указанное требование все-таки не будет заявлено, то суд, на наш взгляд, вправе или отказать в удовлетворении иска об установлении отцовства, или приостановить производство по делу применительно к п. 4 ч. 1 ст. 160 ГПК (суд приостанавливает производство по делу при «невозможности рассмотрения данного дела до разрешения другого дела, рассматриваемого в гражданском, уголовном судопроизводстве или административном порядке») до момента оформления дополнительного требования подателем иска. Собственно, первый вариант решения проблемы «недостаточности заявленных подателем иска требований» уже весьма активно используется в отечественной практике по другим категориям гражданских, равно как и экономических, дел.

Например, когда истец предъявляет иск о выселении из жилого помещения в общежитии, не заявляя при этом требования о расторжении договора найма этого жилого помещения (в том числе после разъяснения судьей потребности в этом), практические работники исходят из того, что в иске о выселении должно быть отказано [16, с. 29–30]. По экономическим делам в случае предъявления истцом требования о признании недействительной государственной регистрации изменения земельных участков и перехода прав на них без заявления требования об оспаривании оснований для таких регистрационных действий (решения исполкома об изменении целевого назначения земельных участков и последовавшего затем договора купли-продажи находящихся на этих измененных земельных участках строений) суды экономической юрисдикции считают правильным отказывать в удовлетворении иска⁹.

При этом заметим, что отказ в иске в связи с «недостаточностью заявленных подателем иска требований» по делу об установлении отцовства (равно как и по любому иному делу) не будет препятствовать новому предъявлению того же самого иска (в том числе даже если он не будет соединен с необ-

ходимым для его удовлетворения требованием об оспаривании отцовства). Как нами уже было подробно обосновано, при выяснении вопроса, какой иск не может быть предъявлен после состоявшегося судебного решения, должны сравниваться не иски (предъявленный прежде и новый), а материально-правовое положение (то, что констатировано вынесенным по прежнему иску решением, и то, на установление которого направлен очередной иск). Если новый иск преследует цель оспорить или повторно установить зафиксированное судебным решением правовое положение, то такой иск к производству суда быть принят не может [17, с. 286–304]. В нашем случае решение об отказе в иске об установлении отцовства не констатирует того, что определенный мужчина не является биологическим отцом ребенка, оно лишь указывает на то, что вопрос о биологическом отцовстве мужчины, а значит и вопрос об установлении между ним и ребенком правоотношения отцовства не может быть в настоящее время решен ввиду существования для этого объективного препятствия – наличия у ребенка правоотношения отцовства с другим физическим лицом.

Иначе говоря, подобное решение об отказе в иске имеет промежуточный характер – оно не вносит окончательной определенности во взаимоотношения сторон спора, а лишь консервирует этот спор, отдаляя во времени момент его разрешения. Безусловно, это не самый оптимальный вариант завершения судебного процесса, тем более что по общему правилу промежуточные решения в гражданском судопроизводстве недопустимы [14, с. 88–89]. Тем не менее такой вариант является более предпочтительным, нежели рекомендованный Верховным Судом – отказывать в принятии заявления подателю иска. Кроме того, в пользу возможности вынесения в анализируемой ситуации промежуточного решения говорит и тот факт, что решение приобретает промежуточный характер не по вине суда, а вследствие нерациональных (неразумных) действий подателя иска – из-за непредъявления им еще одного (открывающего возможность для разрешения по существу первоначально заявленного) требования. Но суд не должен иметь право на вынесение промежуточного решения в тех случаях, когда именно им самим не были предприняты все действия, необходимые для разрешения спора. Последнее встречается, например, в правоприменительной практике по земельным делам, когда суды отказывают в исках, направленных на устранение нарушений границ земельных

⁹Основаниями для государственной регистрации возникновения, перехода, прекращения прав и ограничений (обременений) прав на недвижимое имущество являются договоры и иные сделки, предусмотренные законодательством Республики Беларусь, а также договоры и иные сделки, хотя и не предусмотренные законодательством Республики Беларусь, но не противоречащие ему. Государственная регистрация перехода права собственности на капитальное строение (здание, сооружение) и возникновение, переход, прекращение права, ограничения (обременения) права на земельный участок осуществляется одновременно [извлечение из постановления судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь] // Судовы веснік. 2016. № 1. С. 37–39.

участков, по той лишь причине, что эти границы на местности установлены не были или, хотя и были установлены, но к моменту рассмотрения спора в суде их точное определение на местности стало крайне проблематичным [18, с. 68–71].

2. Как разъяснено в ч. 2 п. 8 постановления Пленума № 12, «к исковому заявлению об установлении отцовства и взыскании алиментов должны быть приобщены копии свидетельств о рождении детей, справки о нахождении детей на иждивении истца, а в зависимости от конкретных обстоятельств дела – другие, имеющие значение для дела, материалы». Постановление же Президиума № 6 (см. абз. 4 его преамбулы) поставило в укор судам то, что «при возбуждении дел отдельные судьи не всегда проверяли наличие необходимых документов, указанных в пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 12». Получается, что суды обязаны контролировать, приложены ли к исковым заявлениям указанные материалы, и в случае их отсутствия, по-видимому, применять за это санкции – оставлять исковые заявления без движения, так как иначе в контроле за прилагаемыми к исковым заявлениям документами не было бы никакого смысла (хотя прямое указание на возможность оставления искового заявления без движения в ч. 2 п. 8 постановления Пленума № 12 отсутствует и, как будет показано ниже, отнюдь не случайно).

Подобный подход сложно признать верным. В основе ГПК лежит концепция, согласно которой обращающееся в суд лицо освобождено от обязанности прилагать к исковому заявлению доказательства своих притязаний (свидетельства о рождении детей, справки о нахождении детей на иждивении истца, иные материалы как раз и выполняют такую роль по делам об установлении отцовства и взыскании алиментов). Так, ГПК требует от подателя иска представлять копии процессуального документа по числу имеющих непосредственный интерес в исходе дела лиц (ст. 110 ГПК), документ, удостоверяющий полномочия представителя, если исковое заявление подается представителем (ч. 3 ст. 243 ГПК). Согласно ст. 110 ГПК в зависимости от сложности и характера дела судья может потребовать от подателя процессуального документа также копии прилагаемых к нему документов для передачи другим имеющим непосредственный интерес в исходе

дела лицам. Безусловно, под прилагаемыми документами здесь подразумеваются доказательства, но сама по себе ст. 110 ГПК не требует приложения их к исковому заявлению, она позволяет судье требовать лишь копии этих доказательств, если сами доказательства изначально и, добавим, по доброй воле подателя иска были приложены к исковому заявлению. Наконец, прямое предписание по поводу роли доказательств на стадии возбуждения дела содержится в п. 3 ч. 1 ст. 243 ГПК: доказательства, подтверждающие каждый из приведенных истцом в обоснование его требований фактов, должны быть указаны в исковом заявлении. Но указаны в исковом заявлении – не значит к нему приложены¹⁰.

Безусловно, нам могут возразить, что ч. 2 ст. 109 ГПК позволяет актам законодательства предъявлять дополнительные требования относительно приложений к процессуальным документам («в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными актами законодательства, процессуальные документы должны содержать и другие... приложения к процессуальным документам»), а постановление Пленума № 12 как раз и является таким актом законодательства. На это заметим, что, во-первых, Пленум Верховного Суда вправе в своих постановлениях лишь разъяснять уже имеющиеся процессуальные нормы, а не вводить абсолютно новые правила поведения в области правосудия, в том числе связанные с реквизитами подаваемых в суды заявлений. Во-вторых, нарушение требований актов законодательства, о которых идет речь в ч. 2 ст. 109 ГПК, не может повлечь оставление процессуального документа без движения, потому что согласно ч. 1 ст. 111 ГПК такие последствия наступают при несоблюдении предписаний только ч. 1 ст. 109 ГПК, да и то не всех из них, а лишь пунктов 1–3, 5 и 7¹¹.

Правда, здесь надо обратить внимание на один весьма существенный нюанс. В ч. 1 ст. 111 ГПК упомянута также ч. 1 ст. 243 ГПК, а последняя, в свою очередь, содержит ссылку на ст. 109 ГПК в целом: «Содержание искового заявления о возбуждении дела должно соответствовать общим требованиям, предъявляемым к процессуальным документам (статья 109 настоящего Кодекса)¹². На первый взгляд, отсюда напрашивается вывод, что оставление искового заявления без движения способно повлечь и нарушение правил ч. 2 ст. 109 ГПК. Од-

¹⁰А именно такую ошибку, к сожалению, уже ставшую типичной, допускают при прочтении п. 3 ч. 1 ст. 243 ГПК практические работники, не замечая в самом конце абз. 1 ч. 1 ст. 243 ГПК слово «указаны», они понимают п. 3 ч. 1 ст. 243 ГПК в том смысле, что доказательства предъявленных требований должны быть к исковому заявлению приложены.

¹¹По этой причине, на наш взгляд, высшая судебная инстанция не решилась включить в ч. 2 п. 8 постановления Пленума № 12 прямое указание на то, что неприложение к исковому заявлению соответствующих документов может повлечь его оставление без движения.

¹²Подобное явление мы назвали феноменом обратной отсылки. Будучи причиной возникновения между юридическими нормами непреодолимых коллизий, обратная отсылка представляет собой крайне нежелательное для правового регулирования явление, поэтому правотворческие органы в ходе своей деятельности должны стараться его по максимуму избегать. См.: Скобелев В. П. Еще раз к вопросу об источниках регулирования цивилистического процесса // Юстиция Беларуси. 2019. № 7. С. 20.

нако это обманчивое впечатление, спровоцированное присутствием в нормах ГПК правотворческой ошибки – феномена обратной отсылки. Ведь если бы воля законодателя действительно была направлена на то, чтобы нарушение любого положения ст. 109 ГПК влекло оставление процессуального документа без движения, то в ч. 1 ст. 111 ГПК тогда бы не было указания именно на ч. 1 ст. 109 ГПК, тем более на отдельные ее пункты. К тому же, очевидно, нет никакой логики в том, чтобы оставлять процессуальный документ без движения ввиду столь незначительного (формального) недочета, как, например, отсутствие в нем наименования или перечня приложений. Помимо этого, важно обратить внимание на то, что в ч. 1 ст. 243 ГПК говорится о необходимости соответствия искового заявления «общим требованиям, предъявляемым к процессуальным документам», но подобные требования закреплены лишь в ч. 1 ст. 109 ГПК, а ч. 2 ст. 109 ГПК посвящена дополнительным (т. е. специальным) требованиям к процессуальным документам. Поэтому на самом деле нарушение ч. 2 ст. 109 ГПК не может привести к оставлению процессуального документа без движения¹³. Присутствующий же в ГПК феномен обратной отсылки необходимо устранить следующим образом: в первом предложении ч. 1 ст. 243 ГПК слова «(статья 109 настоящего Кодекса)» заменить на «(часть первая статьи 109 настоящего Кодекса)», а в ч. 1 ст. 111 ГПК словосочетание «частях первой и третьей статьи 243» – заменить на «пунктах 1–4 части первой, части третьей статьи 243».

С учетом всего сказанного полагаем, что первое предложение ч. 2 п. 8 постановления Пленума № 12 необходимо изложить в следующей редакции: «Если к исковому заявлению об установлении отцовства и взыскании алиментов не были приложены копии свидетельств о рождении детей, справки о нахождении детей на иждивении истца и другие имеющие значение для дела материалы, суд обеспечивает получение этих материалов в ходе подготовки дела к судебному разбиратель-

ству». Собственно, вывод о том, что эти материалы суд должен получать именно на стадии подготовки, а не возбуждения дела, дает все основания сделать даже нынешняя редакция п. 8 постановления Пленума № 12 в целом. Так, ч. 1 п. 8 постановления Пленума № 12 касается стадии подготовки дела: «В процессе подготовки дела к судебному разбирательству судье следует принять меры для того, чтобы во время разбирательства дела имелись все необходимые доказательства, определить, какие доказательства представляются каждой стороной, в случае необходимости назначить судебно-медицинскую и (или) гено-дактилоскопическую экспертизы». Второе предложение ч. 2 п. 8 постановления Пленума № 12 тоже посвящено подготовке: «Должна быть истребована также справка о размере заработка ответчика»¹⁴. Вследствие этого первое предложение ч. 2 п. 8 постановления Пленума № 12 может быть истолковано в том смысле, что доказательства должны приобщаться к исковому заявлению как части (элементу) материалов уже возбужденного судом гражданского дела, т. е. складываться в определенной последовательности в бумажной папке «Дело».

3. Большую актуальность представляет вопрос о круге участников дел, связанных с установлением происхождения детей, в том числе какие субъекты могут выступать по данным делам инициаторами исков. Нормы ч. 3 ст. 57, ч. 1 ст. 58 КоБС закрепляют исчерпывающие перечни лиц, которые вправе обратиться в суд с иском соответственно об установлении или об оспаривании отцовства, что способно породить на практике определенные сложности (на некоторые из них мы уже обращали внимание применительно к норме ч. 1 ст. 81 КоБС, где исчерпывающим образом определен круг субъектов, уполномоченных на предъявление исков по другой категории семейных споров – о лишении родительских прав [19, с. 175–176])¹⁵. Дело в том, что указанные перечни включают в себя не только непосредственно (лично) заинтересованных в исходе дела субъектов (т. е. лиц, на чьи материальные права

¹³Хотя мы, в принципе, не против того, чтобы нарушение ч. 2 ст. 109 ГПК влекло оставление процессуального документа без движения, тем более что в установлении (в соответствии с ч. 2 ст. 109 ГПК) дополнительных требований к реквизитам (приложениям) процессуальных документов и не было бы никакого смысла, если бы соблюдение этих требований не обеспечивалось санкцией. Другой вопрос, что дополнительные требования должны устанавливаться не любыми актами законодательства, в том числе постановлениями Пленума Верховного Суда (как это допускает в настоящее время ч. 2 ст. 109 ГПК), а только законодательными актами и прежде всего самим ГПК (как, например, это имеет место в ст. 349, ч. 2 ст. 391, ст. 393–2, ст. 458–2, ст. 458–7 ГПК).

¹⁴Право суда истребовать данную справку констатировано здесь как нечто само собой разумеющееся, что, однако, не так. Мы уже отмечали выше, что ГПК по общему правилу не наделяет суды полномочиями собирать доказательства по собственной инициативе. Поэтому Пленуму Верховного Суда следовало сделать ссылку на ту норму ГПК, которая, по его мнению, позволяет истребовать суду справку о заработке ответчика. На наш взгляд, этой нормой может быть только ч. 3 ст. 179 ГПК: на основании ходатайств заинтересованных лиц суд содействует им в истребовании доказательств, если самостоятельное представление ими таких доказательств невозможно (стороне истца получить справку о заработке ответчика действительно невозможно, потому что такая справка посторонним лицам нанятым не выдается – ее содержание составляет предмет налоговой тайны).

¹⁵В этом плане весьма показательно, что кодексы о браке и семье БССР и некоторых других союзных республик не определяли круг лиц, имеющих право обратиться в суд с иском об установлении отцовства. См.: Яковлева Г. В. Охрана прав незамужней матери. Минск : Изд-во БГУ, 1979. С. 71–72.

и обязанности способно оказать влияние судебное решение), но и субъектов, обладающих иной – не личной, сугубо процессуальной – заинтересованностью. Причем в части определения круга последнего рода субъектов имеют место несогласованности с процессуальным законодательством.

Так, ни ч. 3 ст. 57, ни ч. 1 ст. 58 КоБС не упоминают о договорных представителях, хотя с точки зрения положений главы 9 ГПК нет никаких препятствий для того, чтобы иск об установлении (или об оспаривании) отцовства был предъявлен, например, адвокатом, к которому за юридической помощью обратился законный представитель ребенка (аналогичным образом к адвокату может обратиться мужчина, желающий установления или опровержения своего отцовства по отношению к ребенку, и даже сам достигший совершеннолетия ребенок). Не указаны в ч. 3 ст. 57, ч. 1 ст. 58 КоБС также прокурор и органы опеки и попечительства. Между тем ч. 1 ст. 81 ГПК наделяет прокурора правом обратиться в суд с заявлением о возбуждении любого подведомственного суду гражданского дела, если это необходимо, в частности, для защиты прав и охраняемых законом интересов граждан, приказ же Генерального прокурора Республики Беларусь от 27 марта 2009 г. № 27 «Об организации надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам» в подп. 1.2 п. 1 даже предписывает прокурорам подавать и поддерживать в суде заявления в защиту прав и охраняемых законом интересов граждан, которые не могут самостоятельно осуществлять судебную защиту своих прав (несовершеннолетние дети вполне подпадают под такую категорию лиц, подтверждением чему может служить повстречавшееся нам в обзоре практики дело, когда прокурор предъявил иск об установлении материнства в отношении брошенного ребенка [12, с. 59]¹⁶; возможность предъявления прокурорами подобных исков признается и в литературе [8, с. 153–154; 11, с. 72; 20, с. 62]). Закреплено в ГПК (ст. 85) и право государственных органов предъявлять любые иски о защите интересов несовершеннолетних. В науке же активно отстаивается точка зрения о допустимости предъявления исков об установлении отцовства органами опеки и попечительства [8, с. 153], поэтому в постановление Пленума № 12 имело бы смысл включить разъяснения относительно допустимости предъявления исков об установлении (оспаривании) отцовства прокурором, органами опеки и попечительства, договорными представителями.

В ч. 3 ст. 57, ч. 1 ст. 58 КоБС среди субъектов предъявления иска назван ребенок, достигший совершеннолетия. О возможности подачи ребен-

ком в суд иска об установлении отцовства только по достижении совершеннолетия со ссылкой на ст. 57 КоБС говорится также в ч. 1 п. 2 постановления Пленума № 12. Однако в законодательстве на этот счет присутствуют и другие правила. Так, ч. 2 ст. 189 КоБС позволяет ребенку обращаться в суд за защитой своих прав и законных интересов с четырнадцати лет. Аналогичная норма содержится и в ч. 3 ст. 13 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка». Наконец, в ч. 3 ст. 59 ГПК относительно недавно (в результате принятия Закона Республики Беларусь от 4 января 2012 г. № 337-3) получила закрепление норма общего плана о том, что «несовершеннолетние, достигшие четырнадцати лет, имеют право лично обратиться в суд с заявлением о защите своих прав и охраняемых законом интересов и пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде без согласия родителей, усыновителей, попечителей». В связи с этим в постановлении Пленума № 12 хотелось бы видеть четкий ответ, каким из приведенных норм в настоящее время следует отдавать приоритет и, самое главное, ввиду каких аргументов (думается, что в решении этого вопроса, помимо чисто юридических моментов, не последнюю роль должен играть также фактор очень раннего интеллектуально-психологического созревания современных детей).

Прочитав в ч. 1 п. 2 постановления Пленума № 12 положения ст. 57 КоБС, высшая судебная инстанция констатировала: «Поэтому судья обязан принимать иски о установлении отцовства не только от матери, но и от отца или самого совершеннолетнего ребенка, если мать отказывается подать в органы, регистрирующие акты гражданского состояния, совместное с отцом заявление о регистрации ребенка». Во-первых, в описанной ситуации совместное заявление матери и отца в органы загс следует называть не «о регистрации ребенка», а, как видно из ч. 2 ст. 54 КоБС, «о регистрации установления отцовства». Во-вторых, причиной обращения в суд совершеннолетнего ребенка с заявлением об установлении отцовства может быть отказ не матери, а именно предполагаемого отца подать в орган загс совместное с матерью заявление о регистрации установления отцовства. В-третьих, анализируемое разъяснение изложено таким образом, будто наличие отказа матери подать в органы загс совместное с предполагаемым отцом заявление о регистрации установления отцовства является условием принятия судом к производству искового заявления об установлении отцовства. В действительности, од-

¹⁶Тот факт, что прокурором был предъявлен иск об установлении именно материнства, а не отцовства, значения не имеет, так как норма ч. 2 ст. 56 КоБС, определяющая перечень лиц, которые имеют право требовать в судебном порядке установления материнства, полностью идентична положениям ч. 3 ст. 57 КоБС.

нако, причины, по которым в органе загс отцовство не было зарегистрировано в добровольном порядке, не имеют никакого значения не только для принятия искового заявления, но и для разрешения его по существу. В свете изложенного полагаем, что из второго предложения ч. 1 п. 2 постановления Пленума № 12 слова «если мать отказывается подать в органы, регистрирующие акты гражданского состояния, совместное с отцом заявление о регистрации ребенка» должны быть исключены.

В правоприменительной практике является общепринятым подход, согласно которому в делах об установлении и об оспаривании отцовства родитель (обычно мать), выступающий в интересах ребенка, считается стороной процесса – истцом или ответчиком (в зависимости от того, кем и какие были заявлены требования). Так, на протяжении всего текста обзора практики мать ребенка, предъявившая иск об установлении отцовства, называется в процессе истцом, а в делах об оспаривании отцовства – лицом, записанным таковым в актовой записи о рождении ребенка, мать ребенка фигурирует только как ответчик [12]. Собственно, даже в самом постановлении Пленума № 12 (см. п. 3, 5, 7, ч. 1 п. 10, п. 15) по искам об установлении отцовства мать ребенка или прямо обозначается в качестве истца, или такой вывод однозначно следует из контекста положений постановления. Например, мать ребенка напрямую указана истцом в п. 3 постановления Пленума № 12: «При предъявлении иска об установлении отцовства *несовершеннолетней матерью*, не состоящей в браке, или к несовершеннолетнему лицу суд должен обсудить вопрос о привлечении к участию в деле родителей (усыновителей, попечителя) *истца* или ответчика в качестве их законных представителей»¹⁷. Второй (смысловой, контекстуальный) вариант обозначения матери ребенка истцом присутствует в п. 5 постановления Пленума № 12: «С иском об установлении отцовства и взыскании алиментов истец вправе обратиться в суд по месту жительства ответчика либо по месту своего жительства» (ведь очевидно, что с иском обращается в суд не сам ребенок, а его родитель).

Что же касается процессуального положения в деле самого ребенка, то в обзоре практики применительно к делам об установлении отцовства об этом ничего не сказано, а в отношении дел об оспаривании отцовства присутствуют такие рассуждения: «Обобщение показало, что нередки случаи, когда оспаривалось отцовство в отношении детей, достигших четырнадцатилетнего возраста. Хотя права и охраняемые законом интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет защищаются в суде их родителями, усыновителями или попечителями, суд

в соответствии с ч. 2 ст. 59 ГПК обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних, за исключением случаев, когда привлечение несовершеннолетнего к участию в деле противоречит его интересам. Однако некоторые суды при наличии указанных обстоятельств вопрос о привлечении несовершеннолетних лиц к участию в деле не обсуждали. Также выявлен случай, когда не был привлечен к участию в деле об оспаривании записи об отце ребенок, достигший к моменту рассмотрения дела возраста восемнадцати лет... При рассмотрении дел об оспаривании отцовства несовершеннолетние привлекались судом к участию в деле в качестве третьего лица на стороне ответчика либо в качестве ответчика. Такая практика судов является правильной и согласуется с положениями ч. 2 ст. 59 ГПК, предусматривающей привлечение к участию в деле несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, поскольку право ребенка иметь и знать своих родителей, общаться с ними, получать от них содержание, наследовать имущество предполагает его процессуальный интерес при разрешении данной категории дел» [12, с. 61].

Сложно согласиться с тем, что диапазон возможных процессуальных ролей ребенка является настолько широким (а по сути – полностью неопределенным), что позволяет ему выступать и третьим лицом без самостоятельных требований, и стороной процесса. Вряд ли можно признать верными и утверждения о том, что единственной причиной вовлечения ребенка в дело служит «право ребенка иметь и знать своих родителей, общаться с ними, получать от них содержание, наследовать имущество», а сам ребенок имеет лишь «процессуальный интерес при разрешении данной категории дел». По анализируемым категориям дел ребенок независимо от своего возраста (в том числе и до достижения четырнадцати лет, даже в младенческом возрасте) всегда обладает материально-правовой (личной, непосредственной) заинтересованностью и должен участвовать в деле (по крайней мере, в юридическом смысле, без фактического присутствия в судебном заседании, если не достиг четырнадцатилетнего возраста) только в одном-единственном правовом статусе – в качестве стороны (истца или ответчика) процесса.

Ведь сторона процесса – это лицо, чьи предполагаемые права (обязанности) выступают предметом судебного спора. В делах об установлении, равно как и об оспаривании отцовства, предметом судебного разбирательства является правоотношение отцовства: суд рассматривает вопрос о допустимости прекращения уже существующего правоотношения отцовства (по иску об оспаривании отцовства) или (и) возможности возникновения нового

¹⁷Курсив наш. – В. С.

правоотношения отцовства (по иску об установлении отцовства). Правоотношение отцовства – это правовая связь, которая существует между отцом и ребенком, а не между отцом и матерью ребенка. Поэтому будь то иск об установлении отцовства или иск об оспаривании отцовства, суд принимает решение всегда только о правах (обязанностях) самого ребенка, а не выступающего в его интересах родителя. Следовательно, сторона процесса – это ребенок, а защищающий его интересы родитель – законный представитель. Так, и в литературе совершенно справедливо отмечается, что истцом по иску об установлении отцовства выступает сам ребенок [8, с. 147–148, 149, 150; 11, с. 73; 21, с. 75]¹⁸. Подтверждением данной точки зрения может служить еще тот факт, что по другой категории семейных дел, где тоже затрагивается родительское правоотношение – о лишении родительских прав – высшей судебной инстанцией истцом по делу прямо назван ребенок (см. ч. 3 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 сентября 2002 г. № 7 «О судебной практике по делам о лишении родительских прав»).

Правильное решение вопроса о сторонах процесса по анализируемым категориям споров имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Во-первых, если стороной процесса считать ребенка, а не действующего в его интересах родителя, то смерть последнего не приведет к прекращению производства по п. 5 ч. 1 ст. 164 ГПК («после смерти гражданина, а также в связи с ликвидацией юридического лица, являвшихся одной из сторон по делу, спорное правоотношение не допускает правопреемства»), так как процесс по делу утратит не сторону, а лишь ее законного представителя. Во-вторых, если родитель ребенка выполняет функции законного представителя, то должны соблюдаться все требования ГПК относительно представителей. В частности, по смыслу ч. 1 ст. 72, п. 1 ст. 73 ГПК несовершеннолетний родитель может быть законным представителем своего ребенка в суде только при условии приобретения полной материальной дееспособности (т. е. если несовершеннолетний родитель вступил в брак или был эмансипирован). Поэтому не можем признать верным сформулированное в качестве общего правила в ч. 2 п. 2 постановления Пленума № 12 разъяснение о том, что «несовершеннолетняя мать вправе самостоятельно предъявить иск об установлении отцовства», а также содержащееся в п. 3 постановления Пленума № 12 прямое указание на возможность предъявления иска об установлении отцовства несовершеннолетней матерью, не состоящей в браке, и необходимость в этом случае суду обсудить вопрос о привлечении к участию в деле ее законных представителей. В-третьих, согласно ч. 1 ст. 74 ГПК законные представители соверша-

ют от имени представляемых все процессуальные действия, право совершения которых принадлежит представляемым, но с ограничениями, установленными законом. Одно из таких ограничений предусмотрено ч. 2 ст. 89 КоБС: родителям запрещено совершать без согласия органов опеки и попечительства сделки, противоречащие интересам ребенка. Полагаем, что есть все основания применять эту норму по аналогии к случаям отказа законного представителя от иска об установлении отцовства, потому что такой отказ может повлечь для ребенка очень серьезные последствия. Не исключаем, что по тем же причинам имеет смысл применять ч. 2 ст. 89 КоБС также при отказе законного представителя от иска об оспаривании отцовства.

4. По делам, связанным с установлением происхождения детей, как ни по какой иной категории гражданских дел, большое значение имеют вопросы доказывания и доказательств. В связи с этим необходимо обратить внимание на изменения в регулировании вопроса о тех обстоятельствах, которые суду необходимо принимать во внимание при разрешении исков об установлении отцовства. Изначально в ч. 2 ст. 53 КоБС говорилось, что «при установлении отцовства суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка, совместное воспитание или содержание ими ребенка либо доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком ребенка или происхождение ребенка от ответчика».

После изложения Законом Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 164-З (далее – Закон № 164-З) в новой редакции главы 8 КоБС соответствующая норма была перемещена в ч. 4 ст. 57 КоБС и приобрела следующий вид: «При установлении отцовства суд принимает во внимание доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от предполагаемого отца, или признание предполагаемым отцом ребенка. Суд может также принять во внимание совместное воспитание или содержание ребенка матерью и предполагаемым отцом ребенка, совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью и предполагаемым отцом ребенка до рождения ребенка». Таким образом, если ранее перечисленные в ч. 2 ст. 53 КоБС обстоятельства имели одинаковое юридическое значение и любого из них было достаточно для установления отцовства, то теперь законодатель отдает приоритет обстоятельствам, названным в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС, а упомянутые во втором предложении ч. 4 ст. 57 КоБС факты считает второстепенными.

Заметим, КоБС не расшифровывает понятие «доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от предполагаемого отца». В п. 6 постановления Пленума № 12 разъяс-

¹⁸Правда, Г. В. Яковлева наравне с ребенком истцом считает также и его мать, что, на наш взгляд, неверно.

яснено, что «доказательствами, с достоверностью подтверждающими происхождение ребенка от ответчика, могут быть заключения судебно-медицинской и генно-дактилоскопической экспертиз». Подобная формулировка является весьма неудачной, поскольку слова «могут быть» дают повод считать, что с достоверностью подтверждать происхождение ребенка от ответчика способны и какие-то иные (помимо заключения эксперта) доказательства. Собственно, в обзоре практики так прямо и написано: «В соответствии с ч. 4 ст. 57 КоБС при установлении отцовства суд, помимо экспертного заключения, принимает во внимание и другие доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от предполагаемого отца»¹⁹ [12, с. 56]. По нашему мнению, доказательством, с достоверностью подтверждающим происхождение ребенка от предполагаемого отца, может быть только заключение судебной экспертизы. Ведь достоверность установления биологического родства людей требует исследования их ДНК, а значит, использования специальных знаний и специального оборудования или, другими словами, требует проведения экспертизы. Поэтому в п. 6 постановления Пленума № 12 выражение «могут быть» необходимо заменить словом «являются».

Не менее проблемным представляется вопрос, что сейчас подразумевается в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС под «признанием предполагаемым отцом ребенка». Судебная практика продолжает (как и до принятия Закона № 164-3) считать, что речь идет о внесудебном признании ответчиком ребенка, которое в процессе может подтверждаться различными доказательствами. Так, п. 12 постановления Пленума № 12 (его содержание с 1991 г. не менялось) гласит, что «к доказательствам признания ответчиком отцовства могут относиться любые фактические данные, признанные судом достоверными (письма, телеграммы, фотографии, анкеты, заявления в различные инстанции), другие его действия, свидетельствующие о том, что он признавал себя отцом ребенка, а также показания свидетелей. Такое признание может быть выражено как в период беременности матери (например, желание иметь ребенка, забота о его матери), так и после рождения ребенка». Аналогичную позицию находим и в обзоре практики: «Доказательствами признания ответчиком отцовства могут быть письма, анкеты, заявления, объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, другие фактические данные» [12, с. 56].

По нашему мнению, такой подход в настоящее время представляется ошибочным. Во-первых, внесудебное признание ответчиком ребенка объективно имеет ничуть не большее доказательственное значение²⁰, чем совместное воспитание или содержание ребенка матерью и предполагаемым отцом, совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью и предполагаемым отцом до рождения ребенка, вследствие чего возникает неразрешимый вопрос, почему из всех перечисленных обстоятельств именно внесудебное признание ответчика законодатель выдвинул на первый план и поставил в один ряд вместе с заключением эксперта. Во-вторых, любое внесудебное признание подлежит подтверждению с помощью доказательств. Если исходить из того, что законодатель действительно по каким-то причинам решил придать внесудебному признанию ответчика крайне высокую доказательственную ценность, то тогда доказательства такого признания, очевидно, подпадали бы под формулировку «доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от предполагаемого отца» и в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС не было бы отдельно выделено «признание предполагаемым отцом ребенка». В-третьих, по нашему убеждению, если ответчик в судебном заседании категорически отвергает свое отцовство, то на основании доказательств, указывающих на внесудебное признание ответчиком ребенка, отцовство по отношению к последнему установлено быть не может, по делу необходимо назначение экспертизы.

Между тем все станет на свои места и отмеченные выше вопросы снимутся, если под указанным в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС признанием мы будем понимать именно судебное признание предполагаемым отцом ребенка, т. е., по сути, признание ответчиком иска [22, с. 196]. Значение такого признания для установления отцовства очень важно и зиждется на следующей посылке: вряд ли кто-то решится признавать ребенка в качестве своего перед лицом суда, не будучи совершенно уверен в истинности собственного утверждения и не отдавая себе полного отчета о последствиях такого действия. Данное обстоятельство и позволило законодателю поставить судебное признание предполагаемым отцом ребенка в один ряд с заключением эксперта. Тем самым судебное признание и заключение эксперта являются сейчас самостоятельными и совершенно равнозначными²¹ основаниями для установления отцовства – наличие одного из них устраняет необходимость выяснения второго, и наоборот (правда, судебная экспер-

¹⁹Однако что нужно относить к этим «другим доказательствам», прямо не указано.

²⁰Еще в советское время отмечалось, что «признание ответчиком отцовства, подтвержденное доказательствами, является самостоятельным, но не бесспорным основанием для установления отцовства». См.: Яковлева Г. В. Охрана прав незамужней матери. Минск : Изд-во БГУ, 1979. С. 92.

²¹Об этом свидетельствует используемый в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС разделительный союз *или*.

тиза представляет собой и, думается, совершенно оправданно более «сильный» критерий установления отцовства, так как если заключением эксперта отцовство исключено, то, как показывает практика [12, с. 56], признание отцовства ответчиком не может и не должно иметь места). Не упоминает законодатель в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС и о доказательствах признания ответчика (или, как это было в ч. 2 ст. 53 КоБС, о «доказательствах, с достоверностью подтверждающих признание ответчиком ребенка»), поскольку подобное признание осуществляется перед лицом суда, т. е. имеет место непосредственное восприятие судом соответствующего факта. С учетом изложенного и в целях ориентирования судебной практики полагаем, что в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС слово «признание» необходимо заменить на «судебное признание».

Что же касается перечисленных во втором предложении ч. 4 ст. 57 КоБС обстоятельств, то они, как обеспечивающие гораздо меньшую вероятность выяснения истины при рассмотрении дел об установлении отцовства, имеют в настоящее время вспомогательное значение и могут, на наш взгляд, приниматься судом во внимание только или в качестве дополнительных (к названным в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС) доказательств отцовства, или при невозможности либо крайней затруднительности выяснения критериев, указанных в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС (например, если ответчик уклоняется от представления образцов для сравнительного исследования, геномную экспертизу провести не удастся и суду нужно будет решать вопрос об отцовстве на основе применения нормы ч. 6 ст. 221 ГПК²²; в такой ситуации наличие названных во втором предложении ч. 4 ст. 57 КоБС обстоятельств как раз и поможет суду путем применения ч. 6 ст. 221 ГПК положительным образом решить вопрос об отцовстве ответчика). При этом, думается, во второе предложение ч. 4 ст. 57 КоБС целесообразно включить еще одно обстоятельство, традиционно принимаемое во внимание по делам об установлении отцовства еще с советских времен, – внесудебное признание ответчиком ребенка.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что Закон № 164-З на порядок повысил стандарты доказывания (выяснения истины) по анализируемой категории дел, определив приоритетное значение указанных в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС критериев установления отцовства. Тем самым ч. 4 ст. 57 КоБС фактически закрепляет некоторые исключения из правила ч. 3 ст. 241 ГПК о том, что ни одно из доказательств не имеет для

суда заранее установленной силы. Существование подобных изъятий из правила о свободной оценке доказательств судом вполне оправдано и допустимо, поскольку они значительно усиливают гарантии постижения судом истины при решении вопроса о родителях детей. В связи с этим сложно полностью согласиться с содержанием п. 16 постановления Пленума № 12: «В соответствии со ст. 57 КоБС заключения судебно-медицинской и генно-дактилоскопической экспертиз являются одним из средств доказывания, поэтому они должны быть оценены судом наряду с другими доказательствами по делу в их совокупности». Экспертные заключения (равно как и судебные признания ответчиков) являются не «одним из средств доказывания», а приоритетным способом постижения истины по делам об установлении отцовства. Правда, эта приоритетность должна быть правильно понята: заключение эксперта или признание ответчика не может служить основанием установления отцовства, если однозначно опровергается материалами дела. Например, при наличии бесспорных доказательств того, что в момент зачатия ответчика не было рядом с матерью будущего ребенка (он находился в командировке в другом городе, области, стране и т. п.), заключение эксперта, подтверждающее отцовство ответчика, не может быть положено в основу решения, по делу должна быть проведена повторная экспертиза. Аналогичным образом суд не должен принимать признание иска ответчиком, если экспертное заключение отрицает его отцовство.

К сожалению, отмеченные изменения в подходах к стандартам доказывания почти не учитываются судами. Так, в обзоре практики констатируется, что «судебная генетическая экспертиза... проведена по 49,6 % изученных дел по искам об установлении отцовства» [12, с. 55], и это при том, что «по подавляющему большинству дел иски о признании отцовства удовлетворяли» [12, с. 56]. Возникает вопрос: как же тогда в отсутствие экспертного заключения (и, скорее всего, признания иска ответчиком) судам удавалось разрешать споры об установлении отцовства? Очевидно, они по старинке руководствовались лишь внесудебными признаниями ответчиков и обстоятельствами, перечисленными во втором предложении ч. 4 ст. 57 КоБС. Но такой подход не обеспечивает достоверность установления отцовства и не соответствует требованиям новой нормы ч. 4 ст. 57 КоБС. По нашему убеждению, обеспечить выяснение истины по делу об установлении отцовства можно только путем проведения экспертизы.

²²Норма гласит: «Если сторона уклоняется от участия в проведении экспертизы или чинит препятствия ее проведению (не является на экспертизу, не представляет экспертам необходимых предметов исследования и т. п.), а по обстоятельствам дела без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, то суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым».

И здесь важно обратить внимание на причины не очень активного использования судами данного средства доказывания. Из обзора практики видно, что назначение экспертизы допустимо только при наличии ходатайства об этом одной из сторон, а проведение судебной экспертизы в отсутствие такого ходатайства считается едва ли не процессуальным нарушением [12, с. 55–56]. Действительно, в ГПК прямо не закреплено право суда проводить экспертизу по собственной инициативе (и такое право однозначно стоило бы в ГПК предусмотреть). Полагаем, однако, что такое право у суда все-таки имеется и вытекает оно прежде всего из принципа выяснения судом действительных обстоятельств дела: познать истину по делу об установлении отцовства без проведения судебной экспертизы невозможно. Далее, ч. 2 ст. 221 ГПК говорит, что «право окончательного решения всех вопросов, связанных с назначением экспертизы, принадлежит суду». Это значит, что, если после разъяснения судом юридически заинтересованным в исходе дела лицам содержания ст. 220 ГПК никто из них не заявит ходатайства о проведении экспертизы, такая экспертиза может быть назначена по решению суда. Наконец, первое предложение ч. 4 ст. 57 КоБС непосредственно указывает на необходимость ориентироваться при установлении отцовства на результаты судебной экспертизы.

Аналогичная картина с назначением экспертиз наблюдается и по делам об оспаривании отцовства. Так, «обобщение показало, что по 47,5 % изученных дел об оспаривании отцовства проведены судебные генетические экспертизы с целью установления родства... Вместе с тем по 41,9 % дел об оспаривании отцовства судами вынесено решение в отсутствие заключения судебной медицинской или судебной генетической экспертиз. По ряду дел стороны ходатайств о проведении таких экспертиз не заявляли» [12, с. 62]. Как видим, практические работники и эти дела считают возможным разрешать без назначения экспертизы, в том числе потому, что ходатайства со стороны заинтересованных лиц о проведении экспертизы отсутствуют. Не в последнюю очередь такой подход объясняется тем, что суды разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума № 12, распространяют на дела об оспаривании отцовства: «При рассмотрении таких дел суды руководствовались разъяснениями, содержащимися в п. 6 постановления Пленума № 12, о том, что доказательствами, с достоверностью подтверждающими происхождение ребенка от ответчика, могут быть заключения судебно-медицинской и генно-дактилоскопической экспертиз» [12, с. 62], но «не всегда учитывали вышеизложенные положения п. 16 постановления Пленума № 12 о необходимости оценки заключений судебно-медицинской и генно-дактилоскопических экспер-

тиз в совокупности с другими доказательствами по делу» [12, с. 63].

Подобное экстраполирование разъяснений неправомерно, во-первых, потому, что с формальной точки зрения постановление Пленума № 12 посвящено делам об установлении, а не об оспаривании отцовства (исков об оспаривании записи об отцовстве касается только п. 29 постановления Пленума № 12 и то лишь в контексте их связи с исками о взыскании алиментов). Во-вторых, постановление Пленума № 12 содержит не вполне правильные разъяснения: оно трактует заключение судебной экспертизы лишь как потенциальное, причем совершенно рядовое средство доказывания по делам об установлении отцовства. Между тем выше нами было обосновано, что правильное разрешение таких дел без заключения эксперта (и в отсутствие судебного признания ответчика) невозможно, следовательно, по каждому делу (если нет признания иска ответчиком) должна назначаться геномная экспертиза, а заключение эксперта – пользоваться приоритетом перед другими доказательствами. Приоритетным средством доказывания должно являться экспертное заключение и по делам об оспаривании отцовства, потому что в этих делах точно так, как и в делах об установлении отцовства, требуется решения идентичный вопрос – о биологическом происхождении ребенка.

Однако сходство тех и других дел не означает полного совпадения применяемых в них правил доказывания. По нашему мнению, в делах об оспаривании отцовства признание иска ответчиком должно иметь гораздо меньшее доказательственное значение, нежели в делах об установлении отцовства. Признание иска об оспаривании отцовства направлено на прекращение правоотношения отцовства, а значит, сопряжено с гораздо меньшей социальной ответственностью выражающего признание лица и не исключено, что может быть совершено им по тем или иным причинам умышленно – в полном противоречии с объективным положением вещей. Отстаиваемой нами точки зрения во многих случаях фактически придерживаются и суды. Так, в обзоре практики отмечено: «Нередки случаи, когда суды выносили решение об удовлетворении иска об оспаривании отцовства лишь на основании показаний истца и признания иска ответчиком, не имея других доказательств отсутствия биологической связи между отцом и ребенком. При этом суды зачастую не выясняли мотивы признания иска ответчиками и не проверяли, не нарушает ли такое признание чьих-либо прав и охраняемых законом интересов, в том числе ребенка, в отношении которого возник спор об отцовстве. Вместе с тем суд, принимая признание иска ответчиком (матерью ребенка либо лицом, записанным в качестве отца), должен убедиться, соответствуют ли эти

действия интересам ребенка, не противоречат ли они закону, не нарушают ли прав и охраняемых законом интересов других лиц. Принятие судом признания иска ответчиком и вынесение решения об удовлетворении иска в отсутствие доказательств, с достоверностью подтверждающих тот факт, что истец не является биологическим отцом ребенка, влекло отмену в порядке надзора такого решения как постановленного с существенным нарушением норм процессуального права [12, с. 62].

Применение правил о признании иска ответчиком имеет определенную специфику в случае, когда требование об оспаривании отцовства соединяется с требованием об установлении отцовства, в частности, когда мать ребенка просит признать недействительной актовую запись о его рождении в части указания сведений о лице, фактически записанном отцом ребенка (таким лицом обычно является бывший муж матери ребенка) и установить отцовство в отношении биологического отца ребенка²⁵. Поскольку нередко в судебном заседании предполагаемый биологический отец признает свое отцовство, суды удовлетворяют одновременно оба требования без проведения судебной экспертизы, причем даже в том случае, если бывший муж матери по тем или иным причинам в судебном заседании не участвует. Однако, по нашему мнению, в описанной ситуации потребность в судебной экспертизе отпадает только тогда, когда отцовство предполагаемого биологического отца в суде признает (а значит, отрицает свое собственное отцовство) также бывший муж матери ребенка²⁴. Если же бывший муж не признает отцовства другого лица (считая именно себя отцом ребенка) или выяснить его мнение по данному вопросу не представляется возможным, то по делу обязательно должна быть проведена судебная экспертиза.

Наконец, изучение судебной практики показывает, что дела об установлении, равно как и об

оспаривании, отцовства иногда рассматриваются судами в заочном производстве, что вызывает возражения. Заочный порядок рассмотрения таких дел обычно ведет к значительным пробелам в установлении действительных обстоятельств спора. Так, по одному из дел судом было вынесено заочное решение об установлении отцовства, однако в материалах дел кроме объяснений матери ребенка иных доказательств, подтверждающих отцовство ответчика, не было [12, с. 56]. В другом случае судом в порядке заочного производства был удовлетворен иск об оспаривании отцовства, но в основу решения положены только объяснения истца (лица, записанного «юридическим» отцом ребенка); несмотря на то что в исковом заявлении содержалась просьба о назначении судебно-генетической экспертизы, вопрос о ее назначении суд не обсуждал [12, с. 62].

Поэтому мы считаем, что в заочном производстве дела, связанные с установлением происхождения детей, рассматриваться не должны. В постановление Пленума № 12 следовало бы включить прямое разъяснение на данный счет, тем более что высшая судебная инстанция фактически придерживается такой же точки зрения. Так, в обзоре практики в отношении дел об установлении отцовства отмечено, что «в силу специфики доказательств по данной категории гражданских дел пояснения ответчика крайне важны для всестороннего исследования обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела. Если место пребывания ответчика неизвестно, суд на основании ч. 2 ст. 149 ГПК может объявить его розыск через территориальные органы внутренних дел, а в случае неявки ответчика в судебное заседание – применить к нему в соответствии со ст. 168 ГПК такой вид процессуального воздействия, как привод (принудительное доставление в зал судебного заседания)» [12, с. 56].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) вопрос о том, каким образом в актовую запись о рождении были внесены сведения об отце ребенка, суду следует выяснять на стадии подготовки, а не возбуждения дела. Если отцом ребенка записано конкретное лицо, суду нужно разъяснить подателю иска право заявить дополнительное требование – об оспаривании отцовства «юридического» отца ребенка. Если данное требование не будет

заявлено, суд вправе отказать в удовлетворении иска об установлении отцовства. Подобное решение будет носить промежуточный характер и не будет препятствовать повторному предъявлению иска об установлении отцовства. В этом ключе необходимо скорректировать разъяснения, содержащиеся в п. 1 постановления Пленума № 12;

2) присутствующий в нормах ГПК, регулирующих оставление процессуального документа без движения, феномен обратной отсылки можно

²⁵Но инициатором подобных требований может быть и сам предполагаемый (биологический) отец ребенка. Данное обстоятельство не влияет на особенности применения правил о признании иска ответчиком, роль которого (ответчика) в таком случае будет выполнять мать как законный представитель ребенка, а также «юридический» отец ребенка.

²⁴В этом плане весьма показательным, что норма ч. 2 ст. 54 КоБС для установления в административном порядке отцовства рожденного в браке ребенка в отношении постороннего лица (не являющегося мужем матери ребенка) требует одновременного наличия волеизъявлений всех трех субъектов – матери, ее мужа и лица, являющегося биологическим отцом ребенка. Очевидно, что судебный порядок установления отцовства предполагает не меньшие гарантии, нежели административный.

устранить следующим образом: в первом предложении ч. 1 ст. 243 ГПК слова «(статья 109 настоящего Кодекса)» заменить на «(часть первая статьи 109 настоящего Кодекса)», а в ч. 1 ст. 111 ГПК словосочетание «частях первой и третьей статьи 243» – заменить на «пунктах 1–4 части первой, части третьей статьи 243»;

3) неприложение доказательств к исковому заявлению об установлении отцовства не может служить основанием для оставления его без движения, в связи с чем первое предложение ч. 2 п. 8 постановления Пленума № 12 нужно изложить в новой редакции: «Если к исковому заявлению об установлении отцовства и взыскании алиментов не были приложены копии свидетельств о рождении детей, справки о нахождении детей на иждивении истца и другие имеющие значение для дела материалы, суд обеспечивает получение этих материалов в ходе подготовки дела к судебному разбирательству»;

4) не исключаем, что есть смысл поместить в ч. 1 ст. 111 ГПК указание на ч. 2 ст. 109 ГПК, но тогда дополнительные требования к реквизитам (приложениям) процессуальных документов должны устанавливаться не любыми актами законодательства, в том числе постановлениями Пленума Верховного Суда (как это допускает в настоящее время ч. 2 ст. 109 ГПК), а только законодательными актами и в первую очередь самим ГПК;

5) в постановление Пленума № 12 стоит включить разъяснения относительно допустимости предъявления исков об установлении (оспаривании) отцовства прокурором, органами опеки и попечительства, договорными представителями;

6) законодательные акты неоднозначно решают вопрос о возрасте (14 или 18 лет), с которого ребенок вправе обратиться в суд с иском об установлении (оспаривании) отцовства. Четкий и аргументированный ответ на данный вопрос следует дать в постановлении Пленума № 12;

7) из второго предложения ч. 1 п. 2 постановления Пленума № 12 должны быть исключены слова «если мать отказывается подать в органы, регистрирующие акты гражданского состояния, совместное с отцом заявление о регистрации ребенка»;

8) по делам об установлении (оспаривании) отцовства ребенок является стороной (истцом или

ответчиком), а выступающая в интересах ребенка мать – его законным представителем. В связи с этим постановление Пленума № 12, а также сложившаяся на его основе судебная практика требуют определенных корректировок;

9) Закон № 164-З повысил стандарты доказывания по делам об установлении отцовства, определив приоритетное значение указанных в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС критериев установления отцовства и тем самым закрепил определенные изъятия из правила ч. 3 ст. 241 ГПК о свободной оценке судом доказательств;

10) доказательствами, с достоверностью подтверждающими происхождение ребенка от предполагаемого отца, могут являться только заключения эксперта, поэтому в п. 6 постановления Пленума № 12 выражение «могут быть» необходимо заменить словом «являются»;

11) в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС под «признанием предполагаемым отцом ребенка» следует понимать именно судебное признание ответчика, т. е. признание им иска. Во избежание ошибок в судебной практике в названной норме слово «признание» необходимо заменить на «судебное признание», а также скорректировать разъяснения, содержащиеся на этот счет в постановлении Пленума № 12;

12) во второе предложение ч. 4 ст. 57 КоБС целесообразно включить еще одно обстоятельство, традиционно принимаемое во внимание по делам об установлении отцовства еще с советских времен, – внесудебное признание ответчиком ребенка;

13) как правило, по всем делам об установлении (оспаривании) должна проводиться судебная экспертиза, даже если об этом не ходатайствуют заинтересованные лица, поэтому в ГПК нужно четко закрепить право суда назначать экспертизу по собственной инициативе;

14) признание ответчиком иска по делам об оспаривании отцовства имеет гораздо меньшее доказательственное значение, нежели по делам об установлении отцовства;

15) дела, связанные с установлением происхождения детей, не должны рассматриваться в заочном производстве, и в постановление Пленума № 12 на данный счет следовало бы включить прямое разъяснение.

Библиографические ссылки

1. Анисимова Л. Процессуальные особенности рассмотрения дел об отцовстве. *Советская юстиция*. 1979;18:9–11.
2. Гришин ИП. *Судебное установление отцовства* [автореферат диссертации]. Москва: [б. и.]; 1976. 18 с.
3. Евдокимова ТП. *Разрешение судом семейно-правовых споров*. Москва: Норма; 2008. 272 с.
4. Кострова Н. Особенности возбуждения дел об установлении отцовства. *Советская юстиция*. 1977;17:18–19.
5. Кошкин ВМ. *Судебное установление отцовства* [автореферат диссертации]. Свердловск: Свердловский юридический институт; 1972. 21 с.
6. Матерова МВ. *Судебное рассмотрение дел об установлении отцовства*. Москва: Юридическая литература; 1972. 112 с.

7. Пергамент А. Установление отцовства в судебном порядке. *Социалистическая законность*. 1971;7:34–38.
8. Кострова НМ, Мамедова МК, Нурбалаева АМ, Алиева ЗЗ. *Судебная защита семейных прав*. Москва: Городец; 2008. 240 с.
9. Трубников ПЯ. *Судебное разбирательство гражданских дел отдельных категорий*. Москва: Былина; 2001. 303 с.
10. Червяков КК. *Установление и прекращение родительских прав и обязанностей*. Москва: Юридическая литература; 1975. 104 с.
11. Яковлева ГВ. *Охрана прав незамужней матери*. Минск: Издательство БГУ; 1979. 120 с.
12. Практика рассмотрения судами дел об установлении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях (по материалам обзора). *Судовы веснік*. 2016;3:54–65.
13. Пушкар ЕГ. *Конституционное право на судебную защиту (гражданско-процессуальный аспект)*. Львов: Вища школа; 1982. 216 с.
14. Белова ТА, Колядко ИН, Юркевич НГ, редакторы. *Гражданский процесс. Особенная часть*. Минск: Амалфея; 2007. 592 с.
15. Кожухарь АН. *Право на судебную защиту в исковом производстве*. Кишинев: Штиинца; 1989. 144 с.
16. Малючок Л. Некоторые вопросы рассмотрения дел о выселении граждан из жилых помещений государственного жилищного фонда в общежитии. *Судовы веснік*. 2017;1:27–32.
17. Скобелев ВП. *Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе*. Минск: БГУ; 2018. 447 с.
18. Скобелев ВП, Шахрай ИС. О специфике земельных споров и некоторых проблемах их подведомственности судам. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2018;2:64–77.
19. Скобелев ВП. О некоторых основаниях для отказа в возбуждении гражданского дела процессуальным истцам. В: Семенков ВИ, редактор. *Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь. Сборник материалов V Международной научной конференции; 25 мая 2014 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Институт радиологии; 2014. с. 174–177.
20. Попова ЮА. *Признание граждан безвестно отсутствующими*. Москва: Юридическая литература; 1985. 80 с.
21. Осокина ГЛ. *Гражданский процесс. Общая часть*. Москва: Юристъ; 2004. 669 с.
22. Скобелев ВП. Выяснение судами действительных обстоятельств при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей. В: Шабанов ВБ, редактор. *Права человека и правоохранительная деятельность. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции; 13 декабря 2013 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Академия МВД РБ; 2013. с. 194–197.

References

1. Anisimova L. [Procedural features of the consideration of cases of paternity]. *Sovetskaya yustitsiya*. 1979;18:9–11. Russian.
2. Grishin IP. [Judicial determination of paternity] [dissertation abstract]. Moscow: [s. n.]; 1976. 18 p. Russian.
3. Evdokimova TP. *Razreshenie sudom semeino-pravovykh sporov* [Court resolution of family law disputes]. Moscow: Norma; 2008. 272 p. Russian.
4. Kostrova N. [Peculiarities of initiating cases of establishing paternity]. *Sovetskaya yustitsiya*. 1977;17:18–19. Russian.
5. Koshkin VM. [Judicial determination of paternity] [dissertation abstract]. Sverdlovsk: Sverdlovskii yuridicheskii institut; 1972. 21 p. Russian.
6. Materova MV. *Sudebnoe rassmotrenie del ob ustanovlenii ottsovstva* [Judicial review of cases of establishing paternity]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1972. 112 p. Russian.
7. Pergament A. [Establishment of paternity in a judicial proceeding]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1971;7:34–38. Russian.
8. Kostrova NM, Mamedova MK, Nuralieva AM, Alieva ZZ. *Sudebnaya zashchita semeinykh prav* [Judicial protection of family rights: a training manual]. Moscow: Gorodets; 2008. 240 p. Russian.
9. Trubnikov PYa. *Sudebnoe razbiratel'stvo grazhdanskikh del ot del'nykh kategorii* [The trial of civil cases of certain categories]. Moscow: Bylina; 2001. 303 p. Russian.
10. Chervyakov KK. *Ustanovlenie i prekrashchenie roditel'skikh prav i obyazannostei* [Establishment and termination of parental rights and obligations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1975. 104 p. Russian.
11. Yakovleva GV. *Okhrana prav nezamuzhnei materi* [Protecting the rights of an unmarried mother]. Минск: Izdatel'stvo BGU; 1979. 120 p. Russian.
12. [The practice of court consideration of cases of establishing paternity (maternity), of contesting a record of parents (based on review materials)]. *Sudovy vesnik*. 2016;3:54–65. Russian.
13. Pushkar EG. *Konstitutsionnoe pravo na sudebnuyu zashchitu (grazhdansko-protsessual'nyi aspekt)* [Constitutional right to judicial protection (civil procedural aspect)]. Lviv: Vyshha shkola; 1982. 216 p. Russian.
14. Belova TA, Kolyadko IN, Yurkevich NG, editors. *Grazhdanskii protsess. Osobennaya chast'* [Civil process. Special part]. Минск: Amalfeya; 2007. 592 p. Russian.
15. Kozhukhar' AN. *Pravo na sudebnuyu zashchitu v iskovom proizvodstve* [Judicial right to defense in a lawsuit]. Chisinau: Shtiintse; 1989. 144 p. Russian.
16. Maluychok L. [Some questions of the consideration of cases of eviction of citizens from the living quarters of the state housing stock in the hostel]. *Sudovy vesnik*. 2017;1:27–32. Russian.
17. Skobelev VP. *Zakonnaya sila postanovlenii suda pervoi instantsii v grazhdanskom protsesse* [The legal force of judgments of a court of first instance in a civil proceeding]. Минск: Belarusian State University; 2018. 447 p. Russian.
18. Skobelev VP, Shakhrai IS. On the specifics of land disputes and some problems of their jurisdiction to the courts. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2018;2:64–77. Russian.
19. Skobelev VP. [On some grounds for refusing to institute civil proceedings to procedural plaintiffs]. In: Semenov VI, editor. *Vklad molodykh uchenykh v razvitie pravovoi nauki Respubliki Belarus'. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchnoi*

konferentsii; 23 maya 2014 g.; Minsk, Belarus' [Contribution of young scientists to the development of legal science of the Republic of Belarus. Collection of materials of the 5th International scientific conference; 23 May 2014; Minsk, Belarus]. Minsk: Institut radiologii; 2014. p. 174–177. Russian.

20. Popova YuA. *Priznanie grazhdan bezvestno otsutstvuyushchimi* [Recognition of citizens as missing]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1985. 80 p. Russian.

21. Osokina GL. *Grazhdanskii protsess. Obshchaya chast'* [Civil process. General part]. Moscow: Yurist; 2004. 669 p. Russian.

22. Skobelev VP. [Clarification by the courts of the actual circumstances when considering cases related to the determination of the origin of children]. In: Shabanov VB, editor. *Prava cheloveka i pravookhranitel'naya deyatel'nost'. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 13 dekabrya 2013 g.; Minsk, Belarus'* [Human rights and law enforcement activities. Abstracts of the International scientific and practical conference; 13 December 2013; Minsk, Belarus]. Minsk: The Academy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus; 2013. p. 194–197. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 15.05.2020.
Received by editorial board 15.05.2020.*